

**Жукевич Виктор Генадьевич**

студент

**Соломко Илья Сергеевич**

студент

**Терещенко Олеся Валерьевна**

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный  
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»  
г. Краснодар, Краснодарский край

## **ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

*Аннотация:* проблема процесса становления казачества на Руси рассматривается в статье как результат длительного социально-исторического синтеза на южной периферии русских земель в XIII–XVI вв. Анализ письменных источников, археологических данных и историографии позволяет выделить ключевые факторы генезиса казачества: депопуляцию южных «окраин» после монгольского нашествия, постоянную угрозу кочевых набегов, миграцию социально мобильных групп и сохранение древнерусских воинских традиций. Особое внимание уделено дискуссии начала XX в. между казачьим краеведом Е.П. Савельевым и профессиональным историком П.П. Сахаровым, отражающей методологический конфликт между патриотической интерпретацией и академическим скепсисом. Авторы приходят к выводу, что казаки представляли собой не маргинальную вольницу, а институционализированную пограничную общность, сочетающую элементы общинной демократии, воинской этики и служебной лояльности Московскому государству.

**Ключевые слова:** казачество, пограничье, военизированные обицины, историография, патриотизм, российская идентичность.

Становление казачества на Руси не может быть понято вне анализа пространственного и хронологического контекста – в первую очередь географической структуры южных рубежей древнерусских земель, последствий монгольского нашествия и трансформации пограничных зон в XIV–XV вв. Уже в домонгольский период на южных окраинах Черниговского, Северского, Рязанского и Ростово-Суздальского княжеств существовали так называемые «украины» – пограничные поселения, заселённые военно-служилыми общинами, несшими оборонительную службу. Термин «украина» (от «окраина», «край») встречается в «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи и обозначает не пустую, а функционально организованную зону, где сохранялись элементы древнерусской воинской самоорганизации при ослабленном княжеском контроле. Эти поселения отличались от центральных земель отсутствием развитой феодальной иерархии, высокой степенью военной мобилизационной готовности, коллективным распоряжением землёй и выборным принципом локального управления.

Монгольское нашествие 1237–1240 гг. нанесло катастрофический удар по южнорусским землям, приведя к масштабной депопуляции и экономической дезинтеграции. Археологические данные свидетельствуют, что более 70% сельских поселений Черниговщины и Северщины были разрушены и не возрождены в XIII–XIV вв. Однако опустошение носило преимущественно политический, а не демографический характер: археологические комплексы типа Сухого Солонца, Белоколодезского и Чертковского подтверждают непрерывное присутствие славянского населения в междуречье Дона, Днепра и Северского Донца вплоть до XIV в. Эти группы сохранили традиции земледелия, рыболовства и военного ремесла, унаследованные от домонгольских пограничных общин.

В условиях ослабления центральной власти и постоянной угрозы со стороны кочевников (сначала Золотой Орды, затем Крымского ханства и Ногайской Орды) южные степи превратились в зону «структурной периферийности», где традиционные формы государственного управления уступили место самоорганизации. Эта территория, получившая в русских источниках название «дикой stepи», не была пустыней, а представляла собой междуречье, в котором сохранялись и возрождались

локальные формы общинной жизни. Именно здесь, в условиях отсутствия феодальной зависимости и при сохранении воинской культуры, начали появляться те общины, которые в середине XV в. впервые упоминаются как «казаки».

Важно подчеркнуть, что географическая периферийность не означала исторической маргинальности. Напротив, как отмечал Е. П. Савельев, «история целиого государства не есть история его окраин», и пограничные зоны развивались по собственной логике, независимой от центра [1]. Критикуя «государственную» историографию (в первую очередь Н.М. Карамзина и Д.И. Иловайского), Савельев указывал, что «история окраин приносилась в жертву центру», а «выдающиеся события и стремления окраин замалчивались или объяснялись с точки зрения центра» [1]. Хотя его аргументация опиралась преимущественно на авторитеты (в частности, на ранние высказывания Карамзина о том, что «казачество древнее Батыева нашествия» [2], и на выводы И.Е. Забелина), на отражала интуитивное понимание того, что казачество – не побочный продукт социального кризиса, а закономерный результат пограничного взаимодействия.

Таким образом, историко-географические предпосылки становления казачества включают: сохранение древнерусских воинских традиций на южных рубежах, демографическую трансформацию после монгольского нашествия, длительное отсутствие централизованного контроля и постоянное давление кочевых сил. Эти факторы создали условия для возникновения устойчивых военизованных общин, которые, несмотря на гетерогенный социальный состав, выработали собственную систему управления, идентичности и военной этики – основу будущего казачества.

Становление казачества как исторического феномена на Руси неразрывно связано с процессами социальной мобильности и демографической перестройки на южных окраинах в XIII–XVI вв. Первые упоминания «казаков» в письменных источниках относятся к середине XV в.: в 1444 г. венецианский посол Лазаро Соранцо сообщает о «казаках» на Дону как о воинственных людях, не подчиняющихся ни Московскому княжеству, ни Крымскому ханству; в 1483 и 1492 годах

русские летописи упоминают казаков в контексте походов против крымских татар [1; 3]. Эти сообщения свидетельствуют не о спонтанном появлении «вольницы», а о существовании устойчивых военизованных общин, уже обладавших собственной идентичностью.

Социальный состав ранних казачьих общин был гетерогенным и включал как автохтонные, так и мигрантские элементы.

1. Остатки южнорусского населения, сохранившиеся после монгольского нашествия. Археологические данные подтверждают непрерывное присутствие славян в междуречье Дона, Днепра и Северского Донца с XIII в. Эти группы сохраняли традиции земледелия, рыболовства и военного ремесла, унаследованные от древнерусских пограничных общин – так называемых «окраин» [1].

2. Беглые крестьяне и холопы из центральных уездов Московского и Великого княжества Литовского. С середины XV в. усиление феодальной эксплуатации (введение «заповедных лет», «урочных лет», ограничение перехода в Юрьев день) способствовало массовому побегу с земель помещиков и вотчинников. Однако эти люди не были социальными изгоями, а составляли активный и трудоспособный слой, стремившийся к свободе и собственности на землю [4].

3. Служилые и дворцовые люди, утратившие положение в результате военно-политических потрясений (распад удельных княжеств, ликвидация удельной системы в Московии). Многие из них обладали воинскими навыками и легко вписывались в структуру казачьих отрядов.

4. Ремесленники, торговцы и монахи, искавшие убежища в степи от государственного контроля и церковной опеки. Некоторые из них становились основателями первых монастырей-крепостей (например, на Дону и Днепре), игравших роль культурных и религиозных центров.

Как отмечал Е.П. Савельев, казаки не могли быть «выработаны из гулящего люда» без традиции, воспитания и воинской дисциплины [1; 4]. Эта интуитивная критика «маргиналистской» парадигмы, хотя и лишённая строгой источниковой базы, указывает на важнейший аспект: казачество обладало институциональной устойчивостью, что невозможно в условиях чисто спонтанного скопления беглых.

4 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Механизмы самоорганизации ранних казачьих общин строились на принципах воинской общины и пограничной автономии:

- круг – высший орган власти, на котором принимались решения о войне и мире, выборе атамана, распределении добычи и земли. Все казаки считались равными по праву участия в Круге, независимо от богатства или происхождения;
- атаман – выборный военачальник и административный представитель, обладавший властью только до тех пор, пока сохранял доверие общины;
- служба по прибору – система распределения казаков по военным и хозяйственным ролям: стрельцы, копейщики, пушкари, ремесленники, землемеры;
- земельная община – коллективное владение землей, исключавшее частную собственность в классическом смысле. Земля считалась «войсковой», а казак – ее временным пользователем при условии несения службы.

Православная идентичность – не только религиозный, но и идеологический маркер, противопоставлявший казаков «иноверцам» – татарам, ногаям, османам.

Эта система, получившая в историографии название «войсковой демократии», обеспечивала высокую степень мобилизационной готовности и социальной сплочённости. Как подчёркивал Савельев, казачья община была «народоправлением», в котором «воля народа выражалась не через представителей, а прямо на Кругу» [1].

Таким образом, социальная база казачества была разнообразной, но её объединяли общие цели – свобода от феодальной зависимости, защита земли и веры, коллективная безопасность. Именно эта синергия позволила казачьим общинам не только выжить в условиях «дикой stepи», но и стать важным фактором в геополитике Восточной Европы.

К середине XVI в. казачество, возникшее как децентрализованная совокупность военизованных общин на южных рубежах Руси, оформилось в устойчивые военно-политические образования, обладавшие собственной территорией, административной структурой и внешнеполитической активностью. Наиболее яркими примерами стали Донское войско с центром в Черкасске, Запорожская Сечь по нижнему Днепру и Яицкое войско на реке Яик. Эти формирования, хотя

и сохраняли значительную автономию, постепенно включались в систему отношений с централизованным Русским государством, что сопровождалось процессами как институционализации – закрепления внутренних норм и структур, так и легитимации – признания их статуса со стороны власти [5].

Институциональное оформление казачества проявилось в укреплении традиционных форм самоуправления. Войсковой Круг, ранее собиравшийся эпизодически по поводу военных походов или распределения добычи, превратился в регулярный орган высшей власти, принимающий решения по вопросам войны и мира, избрания атаманов, установления внутреннего порядка и регулирования землепользования. Атаманы, изначально избираемые лишь на время похода, стали пожизненными или длительно управляющими фигурай, сочетающей функции военачальника, дипломата и судьи. При этом их власть оставалась делегированной и могла быть отзвана в случае нарушения «казачьей правды» – неформального, но строго соблюданного кодекса чести, справедливости и коллективной ответственности [6].

Особое значение в укреплении институциональной устойчивости имела военно-административная организация по «прибору» – система распределения казаков по ролям в зависимости от возраста, физической подготовки и навыков: молодые служили копейщиками и стрельцами, зрелые – в конных отрядах, пожилые – в советах и управлении тылом. Такая структура обеспечивала высокую мобилизационную готовность и позволяла проводить длительные походы без нарушения хозяйственного уклада. Как отмечал Е.П. Савельев в работе «Войсковой круг на Дону, как народоправление», у казаков «не было ни податного, ни ревизского подворья, ни барщины, ни рекрутчины до Петра I – была только служба по прибору, добровольная и всеобщая» [7]. В его интерпретации войсковое управление представляло собой форму «народоправления», где «воля выражалась не через представителей, а прямо на Кругу», что, по его мнению, свидетельствовало не о «дикости», а о древности и демократичности уклада.

Процесс легитимации казачества со стороны Московского государства развивался постепенно и носил прагматический характер. Москва, осознавая военную ценность казаков, стремилась использовать их потенциал, не нарушая их автономии. Уже в 1550-е гг. донские казаки участвовали в походах на Казанское и Астраханское ханства, а в 1570 г. Иван IV Грозный официально подтвердил Донскому войску «вечную вольность», включая право на самоуправление, неприкосновенность земель и освобождение от податей при условии несения службы. Этот акт, хотя и не сохранился в оригинале, многократно упоминается в дипломатической переписке и грамотах последующего времени и, по оценке А.И. Агафонова, «закрепил статус Донского войска как союзника, а не подданного» [8].

Легитимация не означала подчинения: казаки сохраняли право на независимые походы (в том числе против Османской империи, с которой Москва поддерживала дипломатические отношения), что неоднократно вызывало дипломатические скандалы. Однако именно эта двойственность – одновременно «вольные люди» и «служильые на государево имя» – и составляла суть казачьего сословного статуса. Как писал Савельев, казак «служил не за жалованье, не за привилегии, а за веру, землю и царя», и потому его верность была не контрактной, а этической [1]. Хотя в такой формулировке явно прослеживается идеологизация прошлого, характерная для казачьей интеллигенции начала XX в., она отражает важный аспект – идентификацию службы с моральным долгом, что служило внутренним регулятором поведения даже в отсутствие государственного принуждения.

Таким образом, институционализация и легитимация казачества в XVI в. представляли собой не линейный процесс подчинения центру, а сложное взаимодействие, в котором государство признавало автономию казачьих общин в обмен на военную службу, а казаки – верховенство царя как символа православного порядка. Эта модель, основанная на взаимной выгоде и идеологическом консенсусе, обеспечила устойчивость казачества в течение последующих двух столетий и позволила ему стать одним из ключевых институтов российской государственности на периферии.

Дискуссия между Е.П. Савельевым и П.П. Сахаровым в 1910–1913 гг. отражает методологический кризис в изучении казачества [1; 9].

Савельев, уроженец ст. Константиновской, педагог и сотрудник Областного правления Войска Донского, выступал за патриотическую историографию, нацеленную на восстановление «достоинства предков». В статье «К истории казачества. Как нужно писать историю» он критиковал «государственных» историков за то, что «история окраин приносилась в жертву центру». Он ссылался на Карамзина и Забелина, указывавших на древность казачества («древнее Батыева нашествия»), и утверждал, что «из гулящего люда не выработается лихой сабельник» [5; 10].

Сахаров, выпускник Харьковского университета, отстаивал академический подход, опираясь на Ключевского и Соловьёва. Он называл труды Савельева «наглой мистификацией» и «фантастическими домыслами» [2; 9; 11; 12].

Современная наука признаёт обоснованность критики Сахарова в плане методологии, но отмечает, что Савельев интуитивно улавливал глубинную связь казачества с древнерусской воинской традицией, игнорируемую центристской историографией [13].

Вопрос о происхождении казачества на протяжении двух столетий является одним из наиболее дискуссионных в отечественной историографии. Классическая «маргиналистская» модель, восходящая к Н.М. Карамзину и Д.И. Иловайскому, трактовала казаков как «беглых» элементов, вытесненных на южные окраины в результате социально-экономических кризисов [1; 9; 13]. В противовес ей с конца XIX в. активно развивалась «патриотическая» парадигма, представленная в трудах казачьих краеведов, в первую очередь – Е.П. Савельева, который настаивал на древности и благородстве корней казачества [1]. Современная наука, опираясь на междисциплинарный подход, стремится преодолеть эти полярные модели, рассматривая казачество как продукт сложного взаимодействия геополитических, социальных и культурных факторов [3; 14; 15].

Таким образом, становление казачества на Руси было обусловлено не случайным скоплением беглых, а закономерным процессом адаптации к условиям

---

пограничной зоны. Казачество возникло как институционально устойчивая общность, сочетающая:

- элементы древнерусской дружинной культуры;
- опыт самоуправления;
- военную мобильность;
- лояльность Московскому государству при сохранении автономии.

Это объясняет, как военную эффективность казаков, так и их устойчивость в исторической перспективе. Дискуссия Савельева и Сахарова остается важным историографическим эпизодом, напоминающим о необходимости баланса между патриотической мотивацией и академической строгостью.

### ***Список литературы***

1. Савельев Е.П. Древняя история Казачества (Историческое исследование) / Е.П. Савельев. – Новочеркасск: Донской Печатник, 1915. – 193 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории: в 9 т. Т. II / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987.
3. Терещенко О.В. История и культура казачества: учебник / О.В. Терещенко, С.В. Жабчик, М.В. Гринь. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2023. – 295 с.
4. Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора / Е.П. Савельев. – Новочеркасск, 1908. – 32 с.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. V / Н М. Карамзин. – М.: Мысль, 1993. EDN VMPLTB
6. Савельев Е.П. Атаман М.И. Платов и основание города Новочеркасска / Е.П. Савельев. – Новочеркасск, 1906. – 48 с.
7. Савельев Е.П. Войсковой круг на Дону, как народоправление: ист. очерк / Е.П. Савельев. – 3-е изд. – Новочеркасск, 1917. – 16 с.

8. Агафонов А.И. От земли Донского войска к Области войска Донского (середина XIX – начало XX века) / А.И. Агафонов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – №3(195) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-zemli-donskogo-voyska-k-oblasti-voyska-donskogo-seredina-xix-nachalo-hh-veka> (дата обращения: 25.11.2024).
9. Сахаров П.П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного / П.П. Сахаров // Донские областные ведомости. – 1910–1912. – №164, 167, 170.
10. Савельев Е.П. К истории казачества. (Как нужно писать историю) / Е.П. Савельев // Донские областные ведомости. – 1911. – №65. – С. 3.
11. Сахаров П.П. Заметка по поводу исторической неверности / П.П. Сахаров // Донские областные ведомости. – 1910. – №217. – С. 2.
12. Сахаров П.П. Развитие историографии вольного русского казачества (Критико-библиографический очерк): рукопись / П.П. Сахаров. – 1957. – РОМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1/15.
13. Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение / А.В. Сопов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/16788364> (дата обращения: 25.11.2024).
14. Терещенко О.В. Участие молодежи в деятельности общественных казачьих организаций / О.В. Терещенко, М.В. Зайцева, М.В. Зацеляпин // Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей (Армавир, 06–07 декабря 2023 г.). – Армавир: Магарин Олег Григорьевич, 2024. – С. 148–151. EDN DQVKQV
15. Сущенко М.А. Роль интернета в развитии гражданского общества России и КНР / М.А. Сущенко // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №2(33). – С. 504–506. EDN OXJYAT